

Вера Митовиц

и всего лишь несколько дней

КАРТАВЦЕВ ВЛАДИСЛАВ
ТРОФИМОВА ОЛЬГА БОРИСОВНА

**Владислав Картавец
Ольга Борисовна Трофимова
Вера Штольц и всего
лишь несколько дней
Серия «Вера Штольц. Женский
роман-сериал», книга 1**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8909082

Вера Штольц и всего лишь несколько дней: Издать Книгу; Москва; 2015

Аннотация

Сегодня Вере Штольц исполнилось двадцать шесть лет. Она проснулась – как всегда просыпалась в день своего рождения – в предвкушении чего-то особенно приятного, что обязательно должно с ней сегодня произойти. Быстро спрыгнула с кровати и, напевая свою любимую песенку, побежала в ванную. Настроение было отличное, а когда Вера увидела свое отражение в зеркале, оно стало еще лучше – если такое вообще возможно.

Вера хороша собой, в этом нет никаких сомнений. Прибавившийся год жизни никак не отразился на ее цветущем девичьем личике, а утро только добавляло ему свежести. Черты ее лица были как будто нарисованными, и яркий свет только подчеркивал их. По этой причине косметикой Вера почти не

пользовалась – она ей была не нужна. Своей фигурой Вера и вовсе гордилась – что называется, складная, не убавить, не прибавить. Но праздник праздником, а работу никто не отменял – день-то обычный, будний.

Началась обычная утренняя суета – завтрак, потом выбрать, что одеть, потом одеть, что выбралось, потом причесаться, ну и рвануть на остановку. А еще нужно зайти в магазин, купить какой-нибудь торт для коллег. Легкая, быстрая и разгоряченная Верочка выбежала на улицу. Облаченная в нарядное платье, до поры до времени скрытое под плащом, она быстро шла, наслаждаясь заинтересованными взглядами мужчин, попадающихся ей навстречу, и ожидая поздравлений на работе.

Содержание

Глава первая. День рождения – праздник детства	5
Глава вторая. Тайвань и около него	36
Глава третья. Мысли и не только	59
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Картавцев Владислав, Ольга Трофимова Вера Штольц и всего лишь несколько дней

Глава первая. День рождения – праздник детства

Сегодня Вере Штольц исполнилось двадцать шесть лет. Она проснулась – как всегда просыпалась в день своего рождения – в предвкушении чего-то особенно приятного, что обязательно должно с ней сегодня произойти. Быстро спрыгнула с кровати и, напевая свою любимую песенку, побежала в ванную. Настроение было отличное, а когда Вера увидела свое отражение в зеркале, оно стало еще лучше – если такое вообще возможно.

Вера хороша собой, в этом нет никаких сомнений. Прибавившийся год жизни никак не отразился на ее цветущем девичьем личике, а утро только добавляло ему свежести. Черты ее лица были как будто нарисованными, и яркий свет только подчеркивал их. По этой причине косметикой Вера почти не пользовалась – она ей была не нужна. Своей фигу-

рой Вера и вовсе гордилась – что называется, складная, не убавить, не прибавить. Но праздник праздником, а работу никто не отменял – день-то обычный, будний.

Началась обычная утренняя суета – завтрак, потом выбрать, что одеть, потом одеть, что выбралось, потом приче-саться, ну и рвануть на остановку. А еще нужно зайти в магазин, купить какой-нибудь торт для коллег. Легкая, быстрая и разгоряченная Верочка выбежала на улицу. Облаченная в нарядное платье, до поры до времени скрытое под плащом, она быстро шла, наслаждаясь заинтересованными взглядами мужчин, попадающихся ей навстречу, и ожидая поздравлений на работе.

Вера трудилась секретарем в одной коммерческой конторе, торгующей бумагой. Кроме нее там работало еще трое – директор, бухгалтер и менеджер. Директор и менеджер составляли мужскую половину конторы, она и бухгалтер – женскую. Как во всех маленьких фирмах, сотрудники Вериной организации были друг с другом накоротке и часто заменяли один другого. Особо строгой дисциплины на рабочем месте тоже не наблюдалось – все личные дела вполне можно было решать в рабочее время. И за опоздания никто не ругал – просто потому, что раньше одиннадцати часов никто в офисе не появлялся. Так что Вера – как секретарь приходившая первая – всегда была на высоте, т. е. по мнению директора отличалась точностью и рвением к работе.

Конечно, должность секретаря не пользовалась особым

почетом, но Веру она пока устраивала – денег немного, но и обязанности нехитрые, да и со своим маленьким коллективом у Веры были прекрасные отношения – ее ценили за красоту, молодость и легкий характер и всегда прощали небольшие ляпы по работе.

И вот, купив универсальный торт для офиса (одновременно маложирный для бухгалтера и достаточно вкусный для мужчин), Вера прилетела на работу.

Там все было как всегда – три стола с мониторами для сотрудников и крохотный кабинет директора за загородкой. Она включила компьютер и поставила чайник кипятиться. Заняться было решительно нечем – телефон молчал, а почтовая корреспонденция могла немного подождать. И Вера решила, пока есть время, подправить маникюр.

– Хорошо все-таки, что над душой никто не стоит и не следит за каждым шагом, – весело думала она. – Да у меня не работа, а просто мечта! – пару кинжальных ударов пилочкой, потом чуть-чуть резни совместно с уверенными взмахами щипчиками – и вот уже ногти в идеальном состоянии: длинные, красивой овальной формы – краса и очарование!

Через десять минут в офис вломился Кирилл, «Кирюша», как его все звали – менеджер по продаже бумаги. Красавец мужчина и сердцеед, как он сам о себе думал. И как иногда вздыхала бухгалтерша: «Наш Кирюша – такой красавчик», на что Вера мысленно добавляла: «Ага, именно, что крОсавчеГ!» Однако ж, девушкам он нравился – чем и поль-

зовался, стремясь завалить офисной бумагой любую представительницу прекрасного пола, вне зависимости от того, желает она этого или нет.

Что же до девушек, то им импонировала его свободная манера общения и приятная внешность утомленного их вниманием ловеласа. И к тому же (как уже было сказано выше) он всегда мог умело направить их симпатии в деловое русло, например: «Купи бумагу, ягодка!»

Нелишним будет заметить, что Кирюшино обаяние безотказно действовало и на сильную половину человечества – что служило ему дополнительным подспорьем в его нелегком труде бумажного менеджера. Он умел улыбаться – да так, что нравился всем. Вера часто спрашивала себя, а хорошо ли это для мужчины, и сама себе отвечала – не знаю, насчет «хорошо», но современно – это точно. И, наконец, ему просто везло – так что на любых переговорах он был незамечным человеком, подписывая самые невероятные контракты и двигая дела фирмы в гору.

Кирилл был два года как женат, но семейная жизнь совсем не изменила его холостяцких привычек – он не был домоседом по природе, а призывы жены уделять ей больше времени – хотя бы по ночам – утомляли и раздражали его. А в последнее время жена все чаще и чаще нагоняла на него тоску, пробуждая желание вообще никогда не возвращаться домой – тем более, что: «Красив, хорош собою... и везде, как говорится, был принят, как жених». А в образе многодетного

отца, так привлекательного для его жены, он себя вообще не представлял и как можно дольше откладывал любое решение по этому поводу.

– Ребенок – это конец нормальной личной жизни, это вообще конец любой жизни, – так думал он о детях, и так считали все его знакомые из ближайшего окружения, причем и те, у кого дети уже были. – Хорошо еще, что можно оттягивать появление наследника до последнего момента. В конце концов, мне всего-то двадцать девять! Жизнь только начинается! Нельзя же бездарно растрачивать себя на всякую ерунду! – аргументировано убеждал себя Кирилл. Аргументы были основательными и, что сказать, – современными, почти как нравиться мужчинам.

Кирюша в очередной раз отметил про себя, что: «Верка-то очень даже ничего, и при случае можно пересечься – кофе, чай, потанцуем и т. д.», но уже через секунду забыл об этом, переключившись на другое и на других – в ряду заманчивых девушек Верочка была явно не на первом месте. Потом он вспомнил, что у Веры сегодня день рождения, однако решил поздравить ее вместе со всеми остальными, тем более, что обязанность купить цветы и подарок для именинницы лежала на бухгалтере – Фиалке Марфовне, которая должна была тоже вскоре появиться на работе – с отчетом наперевес.

Фиалка Марфовна была всеми уважаемой дамой лет сорока пяти, чей непререкаемый авторитет покоился на знании жизни, как неизбежной рутины, мужчин – как изменников

и предателей, и бухгалтерии – как самой важной составляющей работы всех тех, кто работает. Эта жизненная философия, которую она называла: «Моя жизненная философия», позволяла ей чувствовать себя уверенно в любой ситуации, в том числе и в офисе – а где же еще! Офис вообще был весь в ее власти – она постоянно поучала и «развивала» директора, спокойно презирала Кирюшу: «Ах, он такой красавчик! Да, да, хоть я его и презираю, потому что ну не может быть дельным такой красавчик!», и покровительствовала Вере.

У себя в семье Фиалка Марфовна уже давно навязала железный тевтонский порядок и такую же дисциплину всем родным, в связи с чем муж и дочка весьма побаивались ей перечить, избегали споров и конфликтов, жене и маме попусту не прекословили, а тихо делали по-своему, но так, чтобы никто не догадался. Фиалка Марфовна, наверное, сильно бы удивилась, узнав, что ее дорогой и услужливый супруг втайне ссужает часть своей зарплаты своей бывшей жене, а такая примерная отличница пятнадцатилетняя дочь Катя встречается, не сказав ей ни слова, с первым сорвиголовой и хулиганом школы, двоечником Мишей. Но домашние страстно оберегали свои секреты, позволяя Фиалке Марфовне думать, что «все под контролем», чем и сохраняли ее здоровье и душевное спокойствие.

Сейчас Фиалка Марфовна выбирала Вере цветы, попутно уже в тысячный раз мысленно пережевывая косточки всем знакомым и незнакомым мужчинам, женщинам и даже собакам,

которые тоже виноваты. И знают, почему.

– Как ни крути, а весь офис держится только на мне, – думала Фиалка Марфовна, – а мужикам ничего нельзя поручить, даже самое простое. Вот, какие бы цветы выбрал Сан Саныч – директор? Точно, букет гладиолусов с дачи бы приволок! А этот выскочка Кирилл? Этот купил бы охапку больших, дорогуших и таких непрактичных роз, даже не подумав про деньги! А кто, вообще, вспомнил, кроме меня, про день рождения бедной девочки? Ответ – никто! Вот так – и кадрами приходится заниматься, и никакой благодарности за это. А где уважение и восхищение? А его нет, и не будет, а только приходится выбирать подарки, и хорошо, что я женщина со вкусом и замечательный цветастый зонтик Верочке уже подобрала!

Рассуждая подобным образом, Фиалка Марфовна купила Вере сборный букет из разноцветных хризантем («Долго-долго стоять будут, наверное, и домой не возьмет – в офисе останутся») и пошла на работу, переполняемая важностью возложенной на нее миссии.

Согласно табели о рангах, Фиалка Марфовна имела полное право прийти на работу позже всех – конечно, кроме директора. Войдя в офис и удостоверившись, что все уже на месте, – опять же, кроме директора – она удовлетворенно кивнула, однако в душе все-таки не удержалась от очередной остро заточенной шпильки в адрес собственного руководства:

– В такой день мог бы и не опаздывать, – подумала она и поздоровалась с Верой и Кириллом.

Директор Александр Александрович Пирожный был высокий, кудрявый (а не лысый пока), довольно упитанный мужчина сорока шести лет от роду. Может быть, из-за его комплекции, а, может, из-за происков непрофессиональных раскройщиков на фабриках и в ателье, но никакая одежда не сидела на нем, как положено – даже дорогая, и даже очень дорогая. Он всегда выглядел каким-то неряшливым и неухоженным, что еще более подчеркивалось его невниманием к собственному внешнему виду. Кстати, в его неряшливости в делах, наверняка, тоже были виноваты фигура и раскройщики – а кто же еще? И именно они должны были отвечать по заслугам, а не он лично – на чем все время настаивала педантичная Фиалка Марфовна. В связи с чем между ней и директором иногда случались настоящие баталии с громким хлопаньем дверьми, неизменными слезами и написанным в очередной раз заявлением на увольнение.

Когда такое происходило, весь остальной офис в лице менеджера и секретаря замирал. Кирилл и Вера наблюдали за ними со смесью страха и любопытства, как зрители за выступлением гладиаторов на арене. Впрочем, выпустив пар, долго сердиться друг на друга парочка бухгалтер-директор не могла, и все заканчивалось мирно к большому облегчению всех участников и свидетелей сцены. Фиалка Марфовна тихо – а иногда и громко – праздновала победу (оттого,

что все опять идет, как ей хочется), а Сан Саныч радовался недолгой тишине и спокойствию, и так – до следующей бури в офисном стакане воды.

Дела его фирмы в последнее время шли не очень – расплодившиеся конкуренты не давали спокойно получать необходимую прибыль. Бумага продавалась только с помощью давно налаженных связей с постоянными клиентами. Сан Саныч наработывал их годами: он был одним из первых членов «Ассоциации продавцов бумаги и бумажной продукции», в свое время много поездил по регионам, имел доступ в издательства и постоянно участвовал в выставках и семинарах. И на этом пока и держался.

Время шло вперед, требуя новых путей и методов продаж, возможно, расширения ассортимента продукции с обязательным при этом увеличением штата сотрудников фирмы и другим, более жестким подходом к управлению. Но для Сан Саныча бизнес был по-прежнему чем-то вроде хобби, при котором он мог свободно заниматься любимым делом и общаться с приятными и привычными ему людьми – по-другому он руководить не мог и меняться не хотел. Для начальника он был человеком слишком мягким, что не способствовало интересам коммерции, но спланивало вокруг него сотрудников. Безусловно, все из его маленького коллектива понимали, насколько им повезло с директором, ведь работа – это еще не вся жизнь, и возможность в рабочее время делать свои личные дела дорогого стоит. Поэтому на коллег, пусть

более высокооплачиваемых, но плотно закованных в тесные рамки офисного режима, сотрудники Сан Саныча смотрели снисходительно и чуть-чуть свысока, и искать себе другое место работы никто не собирался. В общем, иногда посмеиваясь над странностями своего руководителя, иногда ругаясь с ним, подчиненные все-таки ценили его и уважали.

Сан Саныч также был любимым мужем и отцом в своем собственном семействе. Зная его безотказный характер, жена и взрослая дочь с облегчением перекладывали на него повседневные заботы – так, он готовил завтраки, пылесосил ковры, отвозил вплоть до выпускного класса дочь в школу и, конечно, именно он гулял с сенбернаром Чарли Шином. Ежеутренний водоворот дел надолго оттягивал его появление на работе – что, по правде говоря, всех очень даже устраивало.

Вот и сегодня, когда Сан Саныч подходил к офису, было уже около двенадцати. Директор вспомнил, что у его секретаря Веры сегодня день рождения (он всегда старался запоминать даты маленьких внутренних праздников) и, подумав: «Как хорошо – будет торт к кофе!», заметно повеселел.

К его приходу все были в сборе. После небольшой торжественной речи с вручением подарка решили сразу праздновать – тем более, никаких срочных дел не было, и долго оставаться на рабочих местах никто из присутствующих в офисе не собирался (как уже было сказано выше – работа здесь была настоящим земным счастьем!). Сдвинув рядом

два рабочих стола, разрезав торт и наполнив чашки и рюмки напитками по желанию, они расположились для неспешного времяпровождения за приятной беседой, прерываемой лишь редкими телефонными звонками. И, как у них заведено, первый тост был за директором:

– С большим удовольствием хочу поздравить нашу всеми любимую и незаменимую Верочку с днем ее очередного восемнадцатилетия! Давайте пожелаем ей счастья, любви и красоты на долгие годы! Верочка, за тебя! – с этими словами он, чокнувшись с Фиалкой Марфовной, Кириллом и виновницей торжества, выпил символический бокал шампанского, который грозил вскоре перерасти в нечто большее, чем просто символ.

Вслед за директором почетной обязанностью поздравить именинницу воспользовались бухгалтер и бумажный менеджер. Потом все пили за процветание фирмы и за здоровье всеми любимого шефа, потом плавно перешли к более крепким напиткам – в частности к джину с тоником и водке для мужчин.

Разговор за столом плавно перетек в непринужденное русло. Во-первых, всем было интересно, сколько же точно лет «стукнуло» сегодня имениннице. Фиалка Марфовна, заведовавшая личными делами своих коллег, точно знала ответ на этот вопрос, но выдавать «ах, такую еще глупенькую и молоденькую девочку этим несносным мужикам» не собиралась, считая, что возраст женщины – понятие относительное. Ве-

ра же полагала, что скрывать свой возраст – это ниже собственного достоинства и, вообще, ей и скрывать-то нечего – все равно больше двадцати ей никто не дает! Годом больше, годом меньше – какая разница, если все самое лучшее по-прежнему впереди?

Она не стала секретничать и громогласно объявила, что да – ей двадцать шесть, и это самый лучший возраст, потому что все только начинается, и теперь она сможет по-настоящему оценить всю прелесть жизни!

Все согласились, но про себя решили, что все не так уж и радужно, и через несколько лет Вера окончательно потеряет девичью привлекательность и перейдет в категорию «бальзаковских» и «постбальзаковских» барышень, которых и так пруд пруди, и они никому не интересны. Но вида не подали.

Сан Саныч, вальяжно раскурив дорожную кубинскую сигару из собственного неприкосновенного запаса, глубоко-мысленно изрек философское замечание о быстротечности времени, и что вот только совсем недавно он провожал дочку в первый класс, а сейчас она уже совсем взрослая – учится в институте, носит дорогие шмотки и, кажется, уже два года, как курит. А может, даже три.

Фиалка Марфовна живо подхватила тему, развив ее на свой лад – что: «Она всегда знала – за детьми надо пристально смотреть, следить, как они проводят время, и не давать им никакого спуска, иначе мало ли чем может закончиться свобода в воспитании! Одних наркоманов сколько разве-

лось! Вот за свою Катю я совершенно спокойна – отличница, примерная, ни в какой плохой компании ее и быть не может! Да просто следить за детьми надо, и никаких проблем!»

В ответ Сан Саныч только грустно кивал, понимая, что пробить броню Фиалки Марфовны невозможно – да и бессмысленно, как пресловутый русский бунт.

Кириллу и Вере разговоры о детях были совсем неинтересны – они рассматривали их появление на свет только в далекой перспективе. Кирилл не хотел детей, а Вера все никак не могла добиться от своего мужа с зычным именем Аполлинарий внятного ответа на простой поставленный вопрос: «Где дети, Зин?»

Как всякая нормальная здоровая женщина, Вера, конечно, хотела ребенка, и позиция мужа по этому вопросу ее огорчала и обижала, а его доводы, что, мол: «Еще рано, и нужно успеть пожить для себя, а ребенок – удовольствие дорогое» не убеждали, а наоборот, злили, и настраивали ее чувства против ее же мужа. В такие моменты она всем своим существом ощущала, как внутри нее растет возмущение против нежелания Аполлинария ее понять. И простить. Шутка!

Конечно, проблема с детьми была не единственной причиной разногласий в Вериной семье – но одной из самых болезненных. Кроме того, за три года брака Вера так толком и не поняла, какими интересами живет ее супруг – он был всегда для нее «темным ящиком», т. е., простите, «черным

ящиком и темной лошадкой», а в последнее время добавились еще и загулы. Он, приезжая домой глубокой ночью, всегда рассказывал «очень правдоподобные» истории – что же с ним случилось на этот раз. Здесь были и бесконечные поломки машины, и экстренные совещания на работе, и внезапные просьбы о помощи родителей, родственников и родителей родственников.

Конечно, Вера не была так наивна, чтобы принимать все эти байки за чистую монету, но, осознавая, что за полной откровенностью последует неминуемый разрыв отношений и будучи не готовой к этому разрыву, старалась не форсировать события – до поры до времени. Она привыкла считать себя счастливой и любимой, и возможный резкий переход от спокойной обустроенности семейной жизни к абсолютной непредсказуемости разбитной разведенки был ей сейчас сильно не по душе, и она всеми силами гнала от себя назойливые печальные мысли.

А задуматься было над чем – вот и сейчас, в день Вериного праздника, Аполлинария не было дома. Два дня назад он стремительно улетел в длительную командировку на Тайвань, не посоветовавшись с ней заранее и не позвав с собой. А вернуться должен был только через месяц. Он и раньше уезжал в командировки, но никогда они не были такими долгими, и больше чем на неделю они не расставались. А в этот раз он еще и предупредил, что: «Со связью там не очень» (это на Тайване-то!), и это означало, что звонить он

не будет. И сейчас о живом пока еще муже напоминали только его вещи и оставленные на всякие домашние расходы долларов четыреста.

А ведь еще совсем недавно все было по-другому – Аполлинарий никуда не пропадал, а если приходилось уезжать в командировку на день-два, звонил по многу раз и подробно рассказывал о своих делах и о том, как он по ней скучает. И возвращаясь, всегда привозил ей какие-нибудь подарки – пусть даже и не очень интересные с точки зрения молодой девушки. Тогда Вера с радостью ждала его возвращения. А сейчас о приезде мужа она старалась даже и не думать, смутно чувствуя, что ничего хорошего не предвидится.

И вот в свой день рождения она ждала в гости только свекра со свекровью и двух подруг, знакомых еще с института. Что и говорить – перспектива не очень веселая. Опять родители мужа будут давать ей бесчисленные советы, как надо готовить, одеваться, встречать мужа, делать ремонт в квартире, и опять будут долбить, что стоит уже, наконец, поменять эту неприличную работу на более подходящую. А подруги в унисон расскажут о своих несчастьях – Лена о том, как ей тяжело растить одной двухлетнюю дочку, а Ирина – как ей хочется замуж, а рядом нет нормальных мужиков – ну просто никаких (а так – один зоопарк кругом)! А родители Веры живут в Самаре и не могут поздравить дочку, кроме как по телефону, что тоже не добавляет настроения.

К трем часам дня все на столе было съедено. Сан Саныч,

сославшись на важную деловую встречу, уехал домой. – Наверное, выгуливать Чарли, – подумала Вера и решила, что если у нее когда-нибудь будет собака, то она назовет ее Парфеноном или Каббалой – в зависимости от пола. Поболтав о том, о сем еще с полчаса, Кирилл, неискренне извиняясь, пересел за свой стол, углубившись в свежую версию компьютерной игры «Адские гвозди и дубль два. Версия 4.0»

Вера и Фиалка Марфовна, мысленно осудив ренегата от день рождения Кирилла и убрав со стола грязную посуду, тоже занялись каждая своим делом – Фиалка Марфовна погрузилась в составление очередного квартального отчета, а Вера решила отредактировать накопившиеся деловые письма. Около четырех часов дня Кириллу окончательно надоело играть, и, весело попрощавшись с дамами, он ушел – ему предстояло свидание (скорее всего, приятное) со своей старой знакомой. А, может, знакомым?

Через десять минут после ухода Кирилла Фиалка Марфовна милостиво отпустила Веру домой в честь ее дня рождения, сказав, что лично у нее – главного бухгалтера – всегда есть работа, и что ей все равно оставаться в офисе еще долго, и уж по телефону-то она поговорить сумеет, если надо. И Вера, радостно подхватив цветы и новый зонт, выскочила из офиса.

Стоял август месяц, но в этом году природа не сильно баловала жителей Москвы теплом, удивляя постоянством противного морозящего дождя, прохладного северного ветра и

некомфортной пятнадцатиградусной погодой.

– Ну, вот и подарок пригодился, – грустно подумала Вера, раскрывая над головой яркий зонтик. Дойдя до метро, Вера успела продрогнуть и согрелась только, спустившись по эскалатору. Час пик пока не наступил, и в вагонах поезда, в который она села, еще оставались сидячие места. Вера удобно устроилась на одном из них, ожидая своей станции. И вдруг внезапно ее охватило предчувствие какого-то неизбежно надвигающегося несчастья, какой-то сплошной тени и дождя. Это было для нее непривычно – грустить она не умела и свято верила, что все у нее будет хорошо. Поэтому она быстро отогнала от себя тяжелые мысли, и ей стало легче.

– А сумрак – тут как тут! – продекламировала она вслух и мысленно пожелала Фредди Крюгеру из «Улицы вязов» застрелиться.

Напротив нее сидел спортивного вида молодой человек и, делая вид, что он здесь совершенно не причем, украдкой разглядывал ее.

– Надо же, – подумала Вера, – не все еще прячутся в экраны планшетов и телефонов! А, может, уже надоело? А мальчик-то довольно симпатичный! Конечно, ловить ему нечего, но все равно приятно! – на всякий случай она поправила волосы и взмахнула ресницами – так просто, а почему бы и нет?

Этот случайный попутчик живо напомнил Вере о ее старом (еще с института) приятеле Максе. У него была кличка

Карл Маркс. Макс – Маркс, какая разница? И она часто называла его Маркуша.

Отношения у них тогда были просто сумасшедшими – типичный студенческий роман – много секса и никаких обязательств. Но потом они переросли в нечто большее, и Макс предложил ей выйти за него замуж. К несчастью у Макса оказались слишком богатые родители, которые не желали видеть в Вере достойную пару своему сыну. После запрета родителей на их свадьбу Вера и Макс встречались еще несколько раз, но вскоре он женился, и, само собой, их отношения сошли на нет. Но Макс еще несколько раз звонил ей, предлагал дружить и быть рядом с ним, и говорил, что все будет хорошо, но Вера вопреки своему имени в этот раз верить отказалась, а начавшийся ее роман с Аполлинарием (одно имя чего стоит!) поставил жирную окончательную точку в их отношениях.

Теперь Вера с теплотой вспоминала о Максе и, сравнивая его с теперешним своим муженьком, немного жалела о прошлых отношениях:

– Да, наверное, надо было еще подружить с Максом, вдруг бы и отбила его у жены! По крайней мере, не оставалась бы одна в собственный день рождения, – грустные мысли снова бросились в атаку. Но в данный момент ничего изменить уже было нельзя, а день рождения – все-таки какой-никакой, а праздник, вот и незнакомец напротив старается набраться храбрости, чтобы подойти к ней.

– Интересно, а что он мне скажет? – вдруг подумала Вера. – Эй, крошка, нечего расстраиваться из-за всяких пустяков, одним мужем больше, одним меньше – кто их считает? Как насчет того, чтобы?.. Ну да, дождешься от них – от них теперь можно дожидаться только просьбы дать взаймы!

А между тем поезд прибыл на ее станцию, и Вера выбежала из вагона. А незнакомец не успел. Как всегда.

Войдя в квартиру, Вера обнаружила там свою свекровь, Романну Витольдовну, деловито хлопотавшую на кухне.

Романна Витольдовна питала крайнюю неприязнь по отношению к невестке, считая ее неряхой, замарашкой и вертихвосткой в одном лице. И поэтому пользовалась любым праздничным и не очень поводом, чтобы появиться в квартире «детей», прибраться по-хорошему и приготовить еду, как любит ее Аполлинаша. А в этот раз из-за отсутствия сына Романна Витольдовна готовила для мужа – свекра Веры, который вот-вот должен был прийти, и для себя – они все любили хорошо покушать. Справедливо считая, что у Веры и продуктов-то съедобных нет, Романна Витольдовна сама произвела необходимые закупки и уже час колдовала на кухне – или занималась вредительством, по мнению невестки. Хотя, по правде говоря, уж в чем – чем, а в кулинарном деле Романна Витольдовна была настоящим профессионалом.

В меню ужина значились: утка с грибами, рис по-китайски, свиные отбивные, селедка под шубой, печеночный паштет, всего-то каких-то три «легких» салатика, собственные

соленья и варенья и, конечно, вафельный торт – куда же без него? А после тортика будет десерт – пирог с яблоками и курагой, который Романна Витольдовна приготовила накануне. И вот как раз сейчас довольная и румяная свекровь заканчивала последние приготовления к ужину.

Появление невестки только распалило ее боевой пыл.

– Господи, ну и жена досталась Аполлинаше – мало того, что худющая, не может толком ни одеться, ни причесаться, ни косметикой намазаться как следует! – как обычно, подумала она, при этом вслух поздравляя Веру с днем рождения и стараясь придать голосу немного теплоты. Тут как тут был и подарок: «Энциклопедия молодой хозяйки» на тысячу двести страниц с цветными фотографиями омаров под соусной настойкой из текилы, французских котлеток из швейцарских молодых телят и ласточкиных гнезд с улыбающимся рядом дегенеративного вида китайским поваром. Вера, как могла, изобразила благодарность на лице, поспешив при первой возможности засунуть громадную книжищу подальше.

– Вам помочь, Романна Витольдовна? – скромно предложила Вера, скрещивая пальцы за спиной. – Ах, нет! Вы все уже сделали? И когда только успели!?

– Было бы только желание, дорогая! Можно еще и не то успеть! Вот жаль, что ты меня никогда не слушаешь, но постарайся все-таки запомнить, что главное в семейной жизни – это всегда готовая еда. И побольше, и повкуснее! Ни один мужчина не уйдет из дома, где его хорошо кормят. Глядишь,

и сама наберешь нужную форму, а то смотреть на тебя противно! Вот и мой муж Нил Вахтангович лет пятнадцать назад пытался к какой-то тощей стерве от меня сбежать, но больше, чем на месяц его не хватило. А потому что не кормили его там. И приполз мой дорогой обратно и умолял: «Ну, ромашка моя, – в смысле, это я – ромашка, – прости меня и накорми, как можешь только ты!»

– Вот так-то! С тех пор стал, как шелковый, и носу из дома не кажет. И твой муж тоже на здоровом натуральном питании воспитан, и, заметь, никакого фастфуда, а только отборная домашняя еда! Каким красавцем вырос! Поэтому и в бизнесмены вышел! Запомни, ему женщина нужна хозяйственная!

Вера рассеянно слушала монотонное бурчание свекрови, изредка ей поддакивала и демонстративно закатывала глаза в знак согласия. Типа, да, ох, ах – вот как! И все такое.

В это время раздался звонок в дверь – пришли ее подруги Лена и Ирка. Придирчиво оглядев Веру со всех сторон и с визгами расцеловавшись, они принялись поздравлять ее, всем своим видом выражая восхищение:

– А ты все хорошеешь! И как только это у тебя получается!?

Лена подарила Вере большого плюшевого медведя, явно забракованного ее малышкой, сказав, что: «Вот теперь у Веры есть игрушка, значит, скоро и ребенок будет, а что – давно пора!». Ирка притащила громадный набор антивозрастной

косметики – весьма, кстати, дорогой. Антивозрастной косметикой сама Ирка пользовалась с восемнадцати лет. Рановато, но это только цветочки. А ягодки начались в двадцать четыре, когда она решила наконец-то серьезно заняться лицом и фигурой и, не жалея денег разнокалиберных любовников, ринулась во все тяжкие – убирать лишнее и имплантировать недостающее. Ее девиз был таков: «А теперь вся я – лишь только нужное!»

– Хорошо еще, что дезодорант и крем от прыщей не подарила, чучундра! – подумала Вера – в то время как ее улыбка от подарка Ирки могла затмить целый Альдебаран над знойным небом Аргентины:

– Интересно, а свекор что принесет? Домкрат для «Жигулей»? – ответа на вопрос, заданный самой себе, пришлось ждать недолго.

Нил Вахтангович, как всегда, явился последним. Годы испытаний оставили глубокие следы на его некогда мужественном лице и не менее мужественной фигуре – тушка сильно расплылась, головушка облысела, глазки заплыли жирком, и сам он уже никак не напоминал бывшего молодого джигита с хозяйством наперевес.

Несмотря на свой brutальный горский нрав, супругу свою он все же немного побаивался и редко когда пускался с нею в спор. Честно говоря, он часто не понимал, что эта женщина делает рядом с ним. Но готовила она хорошо. Невестке же своей он симпатизировал: такая хорошая девушка, как Вера

– ценная находка для его сына-балбеса. Хотя и не умеет готовить, как его жена.

Впрочем, папа был в курсе молодецких походов Аполлинария, в том числе и последнего его загула с новой пассией Полиной-на-Тайване. Сын есть сын, а невестка – всего лишь женщина, пусть молодая и симпатичная: – Поэтому пусть знает свое место, пока мужчина дела делает. Вах! Пусть гордится, что такой мачо-самец живет рядом с ней и называет женой! Вах!

Поскольку нрав у Нила Вахтанговича был горячим, ему тяжело было хранить тайны. Например, его постоянно подмывало рассказать всем о любовных победах своего сына:

– Может быть, как раз сегодня самое время? А как отреагирует жена. Вах! А что мне жена? Мужчина я, в конце концов, или нет? Как решу, так и будет! – такие мысли витали в шальной голове Нила Вахтанговича, когда он зашел в квартиру Веры. Зашел, само собой, с видом, достойным настоящего мужчины. Ну, или настоящего свекра – кому как нравится.

Увидев трех молодых женщин в комнате (Романна Витольдовна на кухне была, естественно, не в счет, и совсем уже немолодая), Нил Вахтангович принял стойку, как голубь, надувший зоб при виде самки. Он по законному праву расцеловался с именинницей и стал распаковывать коробку с подарком – им оказался набор дорогих мочалок и щеток: «Что-

бы мыла, понимаешь, когда ждет мужа, а не мечтала о посудомойке – ведь должно быть у женщины занятие, когда она дома одна!» У Веры при виде щетинистого и тряпочного изобилия начал дергаться правый глаз, и, усилием воли взяв себя в руки, она ответила свекру, что: «Это как раз то, о чем она мечтала, и да, как здорово он все придумал, какая забота о ней, понимаешь!», и: «Чтоб ты сдох!» – но это уже про себя. Да, подарки оказались как на подбор – каждый можно было тут же выбросить на помойку.

В комнату вошла Романна Витольдовна и кликнула всех к столу. Нил Вахтангович так и не успел ничего рассказать про сына, решив, что за столом – даже лучше, всем сразу можно будет похвастаться. Оставим за скобками вопрос: «А почему он, вообще, решил, что всем обязательно нужно это знать?» Оставим, поскольку на него нет ответа – по крайней мере, у нас – а какие идеи вертелись у Нила Вахтанговича в голове, нам то неведомо.

Гости весело рассаживались по местам, прикидывая, с чего бы начать пиршество для желудка. Романна Витольдовна суежилась вокруг мужа, щедро подкладывая ему всего и побольше, Нил Вахтангович разливал вино – ведь какое застолье без вина? Лена решила начать с салатов, а Ирка собрала со всех блюд зелень, служившей украшением, и у нее получилась большая миска травы, ведь: «Правильное питание – это самое главное для красоты и стройности!». Для полноты картины ей оставалось только затребовать свежавыжато-

го грейпфрутового сока – без него Ирка не могла обойтись совершенно – что она и сделала. Кстати, грейпфруты Ирка принесла с собой. А Вера, с тоской оглядев стол и не чувствуя аппетита, твердо решила сегодня напиться.

И вот, когда тарелки были заполнены, а бокалы искрились вином, пришло время тостов. Первой слово взяла Романна Витольдовна:

– Сегодня супруге нашего дорогого сына исполнилось двадцать шесть лет! Это время, когда женщина вступает в пору зрелости и начинает осознавать, как все устроено, и что весь дом держится на ней. Но это только предстоит понять нашей дорогой Верочке! Пожелаем ей удачи и давайте выпьем за нее!

Все выпили, звонко чокнувшись. Пришло время набивать животы. За столом воцарилось заметное оживление с не менее заметным грохотом и звоном столовых приборов. Перед искушениями от свекрови никто устоять не смог – и даже Ирка положила себе немного запрещенного печеночного паштета и принялась размеренно жевать.

Нил Вахтангович, как единственный мужчина на всю округу, старался поухаживать за всеми присутствующими дамами. Одновременно он все сильнее и сильнее распалялся и чувствовал желание поделиться амурными успехами сына. Наконец, его терпению пришел конец, и он затребовал слова:

– Верочка, – сладко начал Нил Вахтангович, – сегодня мы выпьем за тебя! Вся наша дружная семья желает тебе всего са-

мого наилучшего! Жаль только, что с нами нет твоего мужа и нашего сына. И я хочу выпить за него! Ты знаешь, что для настоящего мужчины, к которым, безусловно, относится и наш Аполлинарий, женщины вокруг значат очень многое. Женщин должно быть ровно столько, сколько овец в пастушьем стаде, столько, сколько капелек вина в большом кувшине, и столько, сколько звезд в ночном небе! Потому что настоящий мужчина не может обойтись без женщин! Поэтому я хочу выпить за своего сына, который понимает толк в женщинах и всегда держит марку настоящего мужчины!

Как и следовало ожидать, тост произвел должный эффект. Романна Витольдовна грозно сверкала глазами на мужа, понимая, что после таких слов урезонивать нерадивую невестку будет нелегко. Вера поначалу опешила, а потом машинально предприняла попытку разрыдаться, но слезы почему-то не спешили течь, и истерики не получилось. Она вдруг с необыкновенной ясностью увидела, что всем, кроме нее, давно известно о похождениях ее мужа, и приготовилась узнать все подробности. Подружки тоже были рады очутиться в центре семейного скандала и, опять же, принять Веру в свои ряды: «Пусть не задирает нос, теперь мы все одинокие – или наполовину одинокие!»

Чтобы хоть как-то сгладить сгустившееся напряжение слово взяла Ирка. Она постучала вилкой по тарелке, требуя внимания, и с истеричными нотками в голосе торопливо произнесла:

– Наша любимая подруженька! Прошел замечательный возраст розовых фантазий – теперь тебе понадобится много сил и здоровья! Береги себя!

Это было всё. Кратко и по существу. Тучи над Верой продолжали сгущаться – теперь она потихоньку и сама осознала, что, действительно, что-то прошло невосвратно. И да – жаль, что опять придется начинать все сначала.

Нилу Вахтанговичу вдруг стало совестно и обидно за невестку, но он не показывал вида и сидел надутый, как рыба-шар на сковородке.

Романна Витольдовна быстро сориентировалась в изменившейся обстановке – поняв, что интересы сына дороже всего остального, и нужно как-то спасти положение, она перешла в наступление на невестку:

– Дорогая, тебе нужно извлечь уроки из собственных ошибок – ты-таки дождалась, что муж сбежал от тебя! А ведь от доброй хозяйки никакой муж никуда не денется! – с этими словами она указала на Нила Вахтанговича, с видимым наслаждением уплетавшего очередную свиную отбивную. – И, кстати, когда ты уже начнешь искать новую работу? Твоя же для нормальной женщины совершенно не годится!

Вера смотрела на свекровь и пыталась взять себя в руки. У нее вдруг пропало возникшее было желание послать родственников куда подальше, хотя еще мгновение назад она еле сдерживалась от распирающих ее эмоций, и она принялась односложно парировать атаки свекрови: «Да, конечно,

все правильно, вы совершенно правы!» Настроение было испорчено окончательно, и что будет дальше – было и вовсе непонятно. Вера решила пока не поддаваться эмоциям, сделать вид, что ничего особенного не произошло, а уж после по полной отыгаться на мужа. И желательно, с процентами!

К тому времени все сидящие за столом (кроме самой Веры) округлившимися от обильного угощения животами напоминали телепузиков – праздничный ужин от свекрови мог сломить сопротивление любого поборника диеты. А значит, пришло время чая с десертом. Романна Витольдовна отправилась на кухню, Нил Вахтангович вышел в коридор перекурить, а подружки потянули Веру в другую комнату – они спешили ее приободрить – ведь на что же тогда нужны подруги?

Ласковые слова так и полились стремительным потоком. Ирка со знанием дела сказала:

– Не переживай из-за ерунды – все мужики одинаковые. Аполлинарий твой такой же, как все – кровопийца и предатель. Сколько сил, сколько стараний – и никто не ценит! Не трать время зря – займись собой, а то на кого ты похожа? Посмотри в зеркало – ты совсем расслабилась, пока была замужем. Наверное, килограммов пять лишних набрала! А вот когда себя в порядок приведешь – глядишь, кого поприличнее и встретишь!

Лена была менее категоричной:

– А мне тебя жалко! Но с другой стороны, он тебя совсем не стоит! Так – тряпичный мужчинка! А ты ведь даже ниче-

го не подозревала, бедняжка! Все ждала его с борщами-котлетами! А он – ну просто форменная скотина! И детей никогда не хотел! И как можно жить с таким? Тут я с Иркой согласна – встретишь, кого получше, вот только похудеешь как следует!

Ирка заметила:

– А как это будет выглядеть – в смысле процесс похудения – я тебе сейчас расскажу. Сначала начинаешь правильно питаться и много двигаться. На какое-то время тебя хватит – может, даже на полгода. Ты будешь чувствовать себя типа супер, но толку от этого не будет никакого – все равно любая старшеклассница стройнее тебя. Потом придет время чаев, пилюль, гербалайфов и прочих чудодейственных средств, которые начинаешь потреблять много и беспорядочно. И не зря: заметно постройневшая фигура – твой подарок! Но не навсегда – через пару месяцев жир вернется, так что старый гардероб пока не выбрасывай. Но жир нам не указ! Есть метод, есть! И называется он – пластика. И здесь опять без меня не обойтись – подскажу, как попасть к самому модному доктору, который уж точно тебе поможет. А на красоту твою новую набегут, как шмели на мед, в смысле, пчелы, разные МЧ – ну, ты поняла. Вот увидишь – отбоя не будет! Кстати, бери только с деньгами!

Несмотря на завидное красноречие подружки, такое развитие событий Веру никак не устраивало, тем более, что у самой Ирки выбор мужиков был не богат – точнее, они ее про-

сто боялись и обходили стороной. Она, конечно, марку держала, крепилась и выглядела пока шикарно, но могла похвастаться только отношениями с грустным лысоватым кобелем Александером (как Ирка его называла) – правда, реально обеспеченным. Когда-то он был официантом, причем, исключительно по призванию – любил чаевые, как джигит кинжал и саблю. Потом решился и открыл свое дело – невеста что, но деньги водились. С Иркой он тоже общался только на коммерческой основе, да и то не чаще пары раз в месяц. И, кстати, Ирка была не единственной, которую он пытался обхаживать.

Конечно, подругам Ирка всегда говорила, что лично у нее отношения – суперсовременные, ни к чему не обязывающие, и никто не заставляет ее пыхтеть у плиты и рожать детей.

– У меня все ОК! – была ее любимая фраза, но почему-то звучала она неубедительно, и никто вокруг не хотел помяться с ней местами. Хорошо еще, что ей хватало денег на независимую жизнь – умершая два года назад бабуля оставила ей щедрое наследство в виде трехкомнатной квартиры прямо на Кутузовском проспекте. Сейчас Ирка сдавала квартиру в аренду богатенькому иностранцу (вроде как американцу) и на эти деньги жила припеваючи, не заботясь о хлебе насущном.

Финансовая ситуация Лены, напротив, оставляла желать лучшего. Выйдя замуж на последнем курсе института за одноклассника (понятно, что по большой любви) и не успев

толком нигде поработать (т. е. вообще нигде), Лена родила дочку Машеньку. На любящего мужа это событие произвело такое сильное впечатление, что не успело дочке стукнуть годика, как он пропал из семьи и больше не появлялся. Ленины усилия вернуть его назад через родителей мужа не увенчались успехом. Впрочем, у Машеньки был полный набор бабушек и дедушек, что давало Лене некоторую свободу действий. И вот уже десять месяцев как она безуспешно пыталась устроиться на работу – возраст дочки отпугивал всех потенциальных работодателей. Заниматься при этом еще и поиском мужчины для души у нее не было сил. Лена не была злой по природе и подружку свою Веру жалела, хотя и считала, что та еще легко отделалась – саму-то её бросили с крошечным ребенком на руках.

До сегодняшнего дня Ирка и Лена считали, что Вере незаслуженно везет – муж-бизнесмен, квартира – вроде, все в порядке. Теперь же социальная справедливость восторжествовала, и Вера по-настоящему стала одной из них, которых – «миллионы и миллионы, ты только так не переживай!»

– Вау, как интересно! Ну, и кого же нашел Аполлинарий? – подружки с удовольствием принялись строить догадки насчет все еще Вериного мужа и его нынешней пассии...

Глава вторая. Тайвань и около него

Итак, она звалась Полиной. Она была не то чтобы молода, но и не стара вовсе. Да что там говорить – в полном расцвете сил и с внешностью, которая как раз подходит для отлова всевозможных папиков с деньгами. Про возраст дамы говорить не принято, но мы живем в двадцать первом веке, так что долой условности и скажем прямо – Полине было всего каких-то тридцать два.

Жизнь у Полины была вполне себе на уровне. Только иногда очень сильно доставали престарелые донжуаны. Хотелось помоложе, бодрее, но все равно – с деньгами. Вот тут и подвернулся Аполлинарий – молодой, почти без рожек, генеральный директор и любит служебные командировки с девочками. Ну чем не жених? Ха-ха три раза.

Недолго думая, Полина распрощалась с очередным папиком и бросилась в страстные объятия новоиспеченного возлюбленного, с которым познакомилась на одной модной московской дискотеке. Это было совсем нетрудно – что-то, а ловить на уду пузатых (да и тощих, чего уж там) ловеласов она умела отлично. Не бином Ньютона – раз, два, все дела!

Бросилась очень кстати. Аполлинарий как раз собирался в командировку на Тайвань – именно то, что нужно для прекрасного южного загара! Такой загар любого мужика сведет с ума, тем более в московской-то серости!

Первым делом Полина решила закрепиться в роли постоянной любовницы, а лучше сразу – любимой жены. Стоит сказать, что в последнее время Полину часто навещали какие-то странные мысли – о замужестве и оседлой семейной жизни. Вот только кандидатуры пока не было. Может, вот этот подойдет? В любом случае, погреться на солнышке и помозолить глаза своими формами еще одному кандидату с деньгами будет нелишним.

Они условились встретиться в аэропорте, куда и прибыли по отдельности. Дорога оказалась совсем не такой легкой, как представляла себя Полина. Трудности начались уже в самом начале пути. Полина почему-то всегда была уверена, что из Шереметьево можно попасть в любую точку планеты прямым рейсом. Но не в этот раз – прямого рейса из Москвы до тайваньского Тайбэя не было, и пришлось сначала целых восемь часов лететь до Гонконга, а потом добираться до Тайваня местными авиалиниями еще полтора часа. Аполлинарий перед вылетом основательно принял на грудь для храбрости и безмятежно проспал основное время полета. Полина же пыталась смотреть кино и слушать музыку, но заснуть так и не смогла. Вдобавок на полпути у нее основательно скрутило спину от долгого неподвижного сидения в узком кресле, и началась мигрень с переходом в височные колики. Поэтому по прилете она имела вид довольно помятый. Но на ее видимом настроении это никак не сказалось.

Из аэропорта они взяли такси, оно быстро доставило их

в один из многочисленных отелей Тайбэя, где Аполлинарий заранее забронировал вполне приличный дабл. Едва дождавшись возможности упасть на шикарную кровать и чуть было не смалодушничав и не приняв душ – настолько она устала – Полина провалилась в глубокий десятичасовой сон, который освежил ее и опять вернул ей силы. Наутро она почувствовала себя почти хорошо и почти в привычном тоне – из которого могла по необходимости быстро сделать стойку. Прическа и яркий макияж – и можно снова в бой!

Полина уже почти забыла о тяготах перелета (теперь она мечтала только о теплом море и загаре), но вдруг выяснилось, что не всё так радужно и просто. С раннего утра Аполлинарий явил какую-то нечеловеческую бизнес-активность и напор, увенчавшийся попеременной примеркой трех деловых костюмов, привезенных с собой из Москвы, и эвакуацией из Полининых объятий на какую-то неотложную деловую встречу. Выбегая, он оставил ей немного наличности и наставление обязательно дожидаться его ближе к вечеру.

Как ей развлечься в чужой, полной китайцев стране, Полина не знала, но и смывать с такой тщательностью нанесенный макияж не собиралась. Да и было бы ради чего! Полистав красочный проспект, который английским языком описывал доступные развлечения в радиусе трех кварталов от гостиницы, и мало что разобрав, Полина для начала решила отправиться на шоппинг. Тем более, что ближайший курорт, где можно было позагорать-покупаться, находился в

трехстах километрах от Тайбэя!

– Вот тебе и пляжный отдых! И зачем я тащилась в такую даль, если здесь даже позагорать негде? – Полина чувствовала себя почти обманутой. – А еще кругом эти иероглифы вместо нормальных букв, а еще китаёзы! Как, спрашивается, с ними общаться? – вопрос остался без ответа. Может быть, окажись на месте Полины другой человек, он бы задумался о возможных трудностях перевода, но она была не такой. Долго размышлять было не в ее характере – она считала себя воздушной и легкой на подъем. Поэтому весь город был к ее услугам.

Улицы Тайбэя встретили Полину многолюдной толпой низкорослых китайцев, которые смотрели на нее – белую девушку на высоченных шпильках и при полном параде среди бела дня – как на восьмое чудо света. Многие даже показывали на нее пальцем, что Полине совсем не нравилось. Но не все было так плохо. Помимо невежд-китайцев здесь было полно иностранцев очень достойного европейского вида.

Для начала Полина твердо решила приобрести какое-нибудь красивое платье для сегодняшнего вечера – ей нужно было предстать перед Аполлинарием в самом выгодном свете. Она прилетела сюда в надежде заарканить молоденького жирненького барашка-любовничка и собиралась использовать для этой цели все имеющиеся в наличии естественные преимущества.

– Впрочем, он должен компенсировать мои моральные из-

держки жизни среди китайцев! Уходит не понятно куда, а я что должна делать? Но ничего – куплю блестящее короткое платье с голой спиной и выдою его вечером как следует! – Полина еще издали заприметила огромный супермаркет, в котором, безусловно, должно было продаваться все необходимое.

Вскоре она смогла убедиться, что в супермаркете оказался целый Эверест платьев – и все были блестящие, а половина – не только с голой спиной, но и вообще без спины. Она не устояла и купила два – благо, цена позволяла. Покупка нарядов окончательно вернула Полине пошатнувшееся было душевное равновесие, и из магазина она вышла с решительным видом, с достоинством неся себя в разномастном людском потоке. И тут же нырнула в другой магазин, где стала примерять уже все подряд.

Шоппинг – занятие энергозатратное, и после долгих примерок и приятных волнений («Да, я действительно хороша в этом топике цвета фиалок!») Полине вдруг сильно захотелось кушать. Последний раз они с Апполинарием ели в самолете местных авиалиний во время перелета Гонконг – Тайбэй, но это было еще вчера. Нужно было что-то срочно съесть. Но какой бы голод не терзал Полину, покупать непонятную еду с многочисленных лотков на улицах или даже зайти в один из ресторанчиков, расположенных рядом с магазином, она не решилась – Восток – дело тонкое, а здоровье у меня одно! – никто бы не решился в этот раз отказать ей в здра-

вом смысле. Подхватив пакеты с покупками, Полина отправилась обратно в отель. При нем был ресторан, пусть и не дешевой, — а что это я буду жалеть его деньги? — который мог предложить постояльцам отеля недурное меню, а самое главное — привычную цивилизованную пищу.

Ресторан, и в самом деле, оказался на уровне — приятные интерьеры, вышколенные официанты и большой выбор европейских блюд. Полина с удовольствием расположилась за столиком в полупустом зале, изучила меню и решила слегка пренебречь диетой, насладившись обедом, а тем более — с учетом пропущенного завтрака, который нужно срочно наверстать. И вот уже официант поставил перед ней салат с авокадо, потом — вкуснейшее жаркое из кролика и чуть-чуть копченых свиных ребрышек и, конечно, на десерт — кофе с абрикосовым пирогом.

Немного перекусив, Полина с интересом стала поглядывать по сторонам. В двух столиках от нее сидел одинокий мужчина европейской внешности, который вполне соответствовал образу престарелого богемного ловеласа — да еще и при деньгах. Он был совсем немолод (и это еще мягко сказано, а по-честному — лыс, как яблоко, но как яблоко с благородной проседью), с аккуратными бородкой и усами, и, судя по тому, как быстро вокруг него суетились официанты, был весьма состоятелен и уважаем.

Было заметно: мужчина пришел сюда не только откусывать фирменное блюдо от шеф-повара, но и за десертом — напри-

мер, за клубничкой. Сейчас он неторопливо потягивал вино из высокого бокала, часто бросая красноречивые взгляды на Полину и словно посылая ей сигнал:

– Ну же, мадемуазель, не хотите ли Вы составить мне компанию?

– Однако ж, не на того напал! Простите, в смысле – не на ту! – Полина проигнорировала его невербальные призывы и, расплатившись, легкой походкой направилась к выходу – ей еще нужно как следует подготовиться к возвращению Аполлинария. Но старый ловелас был взят на заметку, как потенциальный объект или субъект (как это правильно называется по науке?), в общем, как личность мужского пола, которая, если что, может быть полезна.

– Мне нужно срочно принять ванну, а потом – чуть-чуть погода – еще раз! – думала Полина. Она никак не могла решить, стоит ли ей прямо сейчас бежать в салон красоты или пока оставить все как есть – благо, не крестьянская лошадь от сохи на пашне, а привлекательная и обаятельная блондинка в полном расцвете сил! После некоторого размышления она решила пока никуда не спешить – если что, в салон можно пойти и завтра, а на сегодня хватит и нового блестящего платья без спины:

– В любом случае, наш молоденький любовничек уже почти что попался! А, следовательно, не нужно сразу выкладывать все козыри – обольщение должно идти по нарастающей! Она вернулась в номер, попутно заказав из ресторана

фрукты, бутылку отличного белого вина, сырную тарелку и копченое мясо для своего властелина (пускай он думает, что он – властелин!). Остаток дня прошел незаметно: не успела Полина два раза понежиться в ванне, подновить маникюр и просмотреть пару передач, среди которых – ну надо же! – оказалось несколько и на русском языке, как наступил вечер.

За окном стемнело неожиданно быстро. Как будто мгновенно выключили солнце. А значит, вот-вот должно было наступить время всесокрушающего обольщения козленочка, простите, теленочка на золотой каемочке, точнее, теленочка на тарелочке с голубой каемочкой. Но это, в принципе, все равно. Но пока золотого тельца не видно и не слышно, и Полина затосковала. Ее деятельная натура требовала активности – просто так ждать она не привыкла. Полина опять включила телевизор, где диктор из далекой родной России вещал о катастрофе на товарных рынках в Китае, который был как раз под боком.

Повсеместное товарное напряжение снизило напряжение самой обольстительницы, которая чувствовала, что вот-вот закипит, как паровой котел линкора времен русско-японской войны. Но взрыва удалось избежать – Аполлинарий ввалился в номер как раз вовремя – еще чуть-чуть, и Полина созрела бы для поиска того лысого из ресторана – т. е., конечно, не лысого, но богемного мужчину с респектабельной привлекательной внешностью и аристократическими манерами!

Увидев Полину, Аполлинарий сразу понял, что сейчас с ней шутки плохи, и как был в костюме и в ботинках, попытался доказать ей свою стопроцентную преданность. А еще – любовь! Но Полина, в душе ликуя, как укротительница тигров перед поверженным самцом, гневно отстранила Аполлинария от себя, чтобы он ненароком не подпортил такую красоту (ты посмотри на маникюр, скотина!) и потребовала от него отчет о его сегодняшнем дне, а также подробный план на будущее. Решение немного поглумиться над ним пришло к ней внезапно – как реакция на тупо потерянный день.

Аполлинарий в момент сник. Честно говоря, к такому напору он был не готов. А когда Полина демонстративно обнюхала него, скривилась и громко стала выпытывать, а почему от него на версту разит дешевыми женскими духами, он и вовсе потерялся. Накал страстей усиливался и скоро должен был выйти на вершину, перекрыв даже феерические страсти итальянских сериалов а la: «Скотинни и золушка».

– Скажи, дорогой, – трубным елейным голосом, полным нескрываемой угрозы, прошебетала Полина, – а что это была за девушка? Проститутка?! – взвизгнула она. – Что ты себе позволяешь? В то время как я здесь сижу почти безвылазно и совершенно одна, не зная даже, где можно безопасно поест в этой дыре, и жду моего драгоценного, драгоценный заявляется весь в женских духах и почти что с проституткой подмышкой! А ну, говори, где ты ее бросил?

Девятый вал Полининых подозрений (теперь уже вполне

искренних) обрушился на Аполлинария, угрожая раздавить его и выбросить бездыханным на берег где-нибудь в районе марокканской Сахары. В результате чего он уже почти представлял себя жуком-короедом, насаженным на вертел. Но пока жизнь еще не покинула его, и он попробовал защититься:

– Ну как ты можешь подозревать меня в чем-то? Разве я не прилетел к тебе, как только смог? Я же – мужик, я должен зарабатывать деньги, откуда их взять-то на твои капризы? А пахнет от меня не духами, а новейшей продукцией моей фирмы – супертехнологичным афродизиаксом. Вот, кстати, тебе буклет – почитай на досуге. Ты читать умеешь? И, кстати, ты хоть слышала, что это такое – афродизиаксы?

Для справки, Аполлинарий и в самом деле специализировался на торговле китайскими «чудодейственными средствами», начиная от регуляторов потенции, размолотых в порошок мокриц для лечения желудка, фальшивым женихом и золотым корнем и заканчивая разной омолаживающе-завлекающей косметикой и парфюмерией с иероглифами. В России все это шло на ура, менеджеры работали на износ, и фирма приносила ощутимый доход своему хозяину – т. е. именно Аполлинарию. Приобреталась чудо-продукция большими партиями, а в Тайбэе находился один из офисов, через которые Аполлинарий осуществлял закупки и доставку. И вот сегодня он, как подопытный кролик, целый день пробовал на себе действие духов-афродизиаксов – конечно, над их

ароматом китайским коллегам надо было еще серьезно поработать, но действовали они отменно, в чем он и смог самолично убедиться, прохаживаясь по улицам города. Даже китайские девушки обращали на него внимание больше, чем обычно.

Полина, мгновенно сориентировавшись, дала задний ход. Нужно срочно исправлять ошибку, чтобы ее возлюбленный не успел перейти в контрнаступление:

– Конечно, конечно, прости меня дорогой! И как я могла заподозрить в тебе самца, который может при такой-то даме рядом бросаться на китайских девок грязной наружности? Прости меня, я же вижу, как ты устал, и как много ты сегодня работал! Ах, твоя жизнь – самый настоящий подвиг, ты у меня, ну прямо, как Александр Матросов, – Полина неожиданно для самой себя выкопала из глубины памяти смазанные воспоминания о подвиге советского солдата, бросившегося на амбразуру. Сравнение, конечно, неуместно, но тут нужно было действовать решительно, чтобы не терять инициативу. – Ведь я вижу, с каким трудом ты зарабатываешь деньги, чтобы быть мужчиной, и на какие жертвы вынужден идти – и даже обливаться этой китайской гадостью! Но я люблю тебя даже таким, мой Ален Делон, мой Депардьё! Иди быстрее в ванну – а у меня есть, что покушать, и не только!

Аполлинарий расцвел, выпрямился и милостиво принял извинения. Теперь он вновь чувствовал себя настоящим мужчиной, уже позабыв, что мгновение назад пытался чуть

ли не спастись бегством. Прощение блудного Аполлинария состоялось – мало того, его трудовой подвиг был оценен по достоинству. Но ванна была срочно необходимо – аромат афродизиаков уже начал отравлять в округе все живое. А скоро, наверняка, потрескается и кафель в прихожей.

Пока Аполлинарий резвился в воде, булькая, как кит, Полина быстро сервировала стол, еще раз потренировалась в изображении понимания на лице и напустила на себя заботливый вид все повидавшей мамочки, готовой всегда поддержать любимого словом и делом. Аполлинарий должен чувствовать, что сейчас рядом с ним находится человек, всегда готовый подставить плечо! И Полина даже отнесла ему шикарный белый халат из шкафа в номере, чтобы он в него завернулся, когда выйдет из ванной.

Наконец Аполлинарий закончил с водными процедурами – теперь он был чистым и перестал источать флюиды китайских афродизиаков, чего никак нельзя было сказать о его одежде. Пока он мылся, Полина была вынуждена позвонить на ресепшн и договориться, что его вещи прямо сейчас отнесут в химчистку. Ей несказанно повезло – ей ответил служащий, который немного понимал по-русски, и это был вовсе не китаец, а болгарин. Откуда он здесь взялся, понять было совершенно невозможно. Но главное сделано – зловонный пакет перекочевал в руки портье, который, получив чаевые, скрылся с ним в неизвестном направлении, оставив взамен какую-то бумажку с надписями по-английски.

Увидев Полину – всю такую свежую, притягательную, сменившую гнев на милость, да к тому же еще и в блестящем платье без спины, Аполлинарий предпринял яростную попытку тут же наброситься на нее – чему она совершенно не противилась. Очередная стадия обольщения входила в решающую фазу. Полина должна была предстать перед ним тигрицей в постели – а еще лучше, тигрицей, очумевшей в своей страсти от китайских афродизиakov.

К своему стыду, оказалось, что Апполинарий сильно переоценил свои силы. Все закончилось, почти и не начавшись. На громадной кровати валялось скомканное блестящее платье, а с краю сидел неудачливый любовник, с тоской смотрящий на вечерний пейзаж Тайбэя. Афродизиак сыграл с ним злую шутку – когда дошло до дела, весь его молодецкий запал оказался точно такой же пустышкой, как и чудодейственный китайский аромат. Но, впрочем, чего еще можно ожидать от Китая?

Пужинав без всякого аппетита, Аполлинарий завалился спать. Вид у него был, как у побитой собаки. Полина же еще долго не могла уснуть, снедаемая двояким чувством – с одной стороны, не пришлось изображать из себя страстную неутомимую любовницу, но с другой – что-то больно быстро уж все закончилось. А что если так всегда? Стоит ли тогда вообще тратить на него время?

Наутро парочка проснулась поздно. Полина встала первой, понежилась в ванной и принялась красить перышки.

Она постаралась забыть о фиаско ее нового молодого любовника – ей не терпелось узнать, что же дальше намерен делать Аполлинарий в Тайбэе, и сколько времени ей придется проводить здесь одной. А пока что она ждала его пробуждения и в одиночку наслаждалась доставленным в номер завтраком и кофе.

Но вот проснулся и он. С трудом разлепив глаза, как будто с жестокого перепоя, он направился в душ. На Полину Аполлинарий старался не смотреть – вчера он проявил себя совсем не лучшим образом. Зато компенсировал свою неудачу чудесным сном, в котором его ублажали сразу несколько дивных гурий, а он доказывал им, что достоин называться мужчиной. Освежившись под струями горячей воды и убедительно доказав самому себе, что один раз не считается, он выпрыгнул из душа в костюме Отелло, стыдливо прикрываясь шикарным баннным полотенцем. Увидев Полину, сияющую свежим макияжем, Аполлинарий взревел про себя, как дикий бизон-трехгодовал, и ринулся в бой. Но увы, все повторилось, как вчера – и в этом, безусловно, были виноваты проклятые афродизиаки! Здесь не могло быть никаких сомнений!

Завтракал Аполлинарий в нависшей, как гробовая плита, тишине.

– Но почему же так? Почему же все именно так? – вязкие мысли в голове мешали наслаждаться вкусом свежего румяного круассана и крепким горячим кофе со сливками. Вид у

Аполлинария был предельно несчастный – если вечером он напоминал собаку, то теперь – мышь. Деградация была налицо. Но все равно, жизнь продолжалась, и нужно было чем-то заниматься.

Утро было свободным – очередная деловая встреча была назначена после полудня. Для начала нужно убедить Полину, что и два раза – тоже вовсе ничего не значат. Что Аполлинарий и постарался сделать. Как у него получилось – другой вопрос. Но по крайней мере, Полина сделала вид, что все хорошо, однако про себя решив, что да, похоже, это именно тот – несчастный – случай. Она вкрадчиво спросила:

– Дорогой, а сегодня тебе тоже надо работать целый день, трудоголик ты мой? Может, съездим куда-нибудь на пляж? А то ты так устаешь, так устаешь! Тебе нужно больше отдыхать!

– Действительно, солнце мое! – Аполлинарий мгновенно согласился, что все его неудачи – от предельной усталости. – Но давай сегодня обойдемся без пляжа – после завтрака поленимся и посмотрим телевизор. До трех часов мне никуда тащиться не нужно. А в три на сегодня назначен обед – наш самый главный босс из Швейцарии устраивает его каждый год для своих контрагентов. Он самый настоящий миллионер, его фирма торгует китайскими целебными средствами вот уже почти тридцать лет. И, представляешь, он тоже всегда на себе проверяет новые образцы продукции! Вот здоровье у мужика завидное! Опять же, швейцарская меди-

цина помогает.

– Да, наверняка, у него здоровье такое же, как и у тебя, – подумала Полина, – и не поймешь, то ли скорострел, то ли импотент, – но вслух произнесла:

– Ого, с какими людьми ты работаешь! Тебе обязательно нужно меня с ним познакомить! Слушай, а, может, вместе пойдем – представишь меня, как своего личного секретаря и помощника. Вот увидишь, я приношу успех в делах, примерно, как женщина на корабле, ну или просто – как пилот в самолете. Я тебе говорю – не пожалеешь!

– А что – это мысль! – Аполлинаруй был рад вновь почувствовать себя на коне и хозяином положения. – Пойдем на обед вместе! Но только – ты готова к китайской кухне? Ведь ресторан обязательно будет китайским – других-то нет. Еда там, конечно, не сильно страшная, но лучше неподготовленному человеку ее не есть – мало ли что. Так, ты выдержишь?

– Конечно! Подумаешь, китайский ресторан! Да знаешь ли ты, что я часто ела и индийское карри и вьетнамскую селедку – был у меня один такой любитель экзотики. Но, конечно, ему до тебя далеко! Что далеко – то далеко, тот в постели был ну чистый терминатор! – добавила она про себя и улыбнулась.

Но Аполлинаруй показалось, что улыбка была адресована ему, и он расцвел:

– Да, решено! Беру тебя с собой! А пока – даешь шоппинг и моцион на свежем воздухе! До обеда нам нужно отдохнуть

и набраться сил. Вот, придумал – мы с тобой сейчас отправимся на экскурсию по Тайбэю!

Полина с большим удовольствием отправилась бы на пляж, но с пляжем уже второй день был облом. И ей пришлось согласиться на экскурсию. Все лучше, чем торчать в номере одной. Портить свои ноги высокими шпильками Полина не собиралась, и, перебрав несколько вариантов, остановилась просто на кроссовках Nike из последней коллекции, к которым идеально подходили узкие джинсы и шелковый топ цвета фуксии («Вы знаете, а я люблю этот цвет!»). Аполлинарий тоже оделся по-простому – в джинсы и майку: не в костюме же бродить среди китайцев! Кстати о костюмах: их осталось всего два, а третий неизвестно – вернут или нет. А, принимая во внимание, что Аполлинарий собирался пробыть на Тайбэе довольно долго, костюмы нужно было экономить.

Договорившись о небольшой обзорной экскурсии на рес-эпшн и подождав в холле, пока не прибудет такси, Полина и Аполлинарий загрузились в стандартную Toyota и двинулись по шумному городу, напирющему со всех сторон высоченными небоскребами.

И вот – первая остановка – мемориальный комплекс Чан Кайши. Здесь их встретил гид-китаец, смешно так говорящий по-русски. И стал быстро-быстро рассказывать про традиционную китайскую архитектуру, про белый мрамор и изящную крышу, как у Храма Неба в Пекине. Полина изо

всех сил изображала на своем лице если не понимание, то хотя бы заинтересованность. Аполлинарий же слушал с очень серьезным видом знатока китайской культуры, время от времени задавая гиду каверзные вопросы, например: «А сколько было китайцев на Тайване во времена Чан Кайши?». Гид терпеливо и все также многословно отвечал на каждый поставленный вопрос. Постепенно Полина стала уставать от наплыва такого количества ненужной информации и вот-вот намеревалась вспылать легкой ненавистью к китайцам и их древней истории, но тут гид объявил, что время подгоняет, и они должны двигаться дальше. Они вновь загрузились в автомобильчик и поехали по направлению к Буддийскому храму и Государственному дворцу – музею Гугун.

Первое, что их поразило, – полчища туристов, снующих со своими камерами и фотоаппаратами всюду вокруг. Гид-китаец опять ожил, будто ему подзарядили какую-то батарею внутри, и с еще большим воодушевлением стал рассказывать про музей Гугун, про то, что здесь хранится одна из богатейших коллекций китайского искусства, что городской район называется Шилинь, и что здесь выставлены шесть тысяч предметов быта и народных промыслов, отражающих всю пятитысячелетнюю историю Китая – и это только лишь малая часть экспонатов, хранящихся в специально оборудованных туннелях внутри горы, примыкающих к другим – которые ведут уже внутрь самого здания.

Полина чувствовала, что за сегодняшнее утро какие-то

странные имена и даты навсегда поселились у нее в голове и теперь танцуют лезгинку строго в соответствии с настоящими горскими традициями. Теперь все, о чем она мечтала – это чтобы гид-китаец немного помолчал. А Аполлинарию было все равно – он все слушал и слушал. И почему она до этого не замечала у него такой тяги к китайской истории?

Но вот и Аполлинарий засуетился и стал, как будто невзначай, поглядывать на часы – все равно запомнить это не было никакой возможности, а встречу в три часа никто не отменял. Видно было, что он уже не обращает внимания на слова гида, и его мысли целиком заняты предстоящим обедом с большим швейцарским боссом. Он решительно прервал гида на полуслове и стал вежливо раскланиваться, уверяя, что экскурсия получилась очень содержательной, и что они замечательно провели время и очень благодарны. Полина про себя возликовала – ну, наконец-то, господи!

По пути в отель они решили заехать в ресторан пообедать. Аполлинарий пребывал в отличном расположении духа – казалось, он совсем забыл о своем утреннем фиаско – и всю обратную дорогу был очень оживлен и беспрерывно болтал о разной китайской ерунде. У Полины от его болтовни окончательно разболелась голова, но она держалась, пыталась улыбаться и втайне про себя надеялась, что еда в ресторане не будет сильно ужасной.

Ресторан помог выбрать водитель – он на ломанном английском языке уверял Аполлинария, что европейцы могут

там кушать совершенно спокойно и не опасаясь каких-либо нежелательных последствий. Аполлинарий не устоял перед такими доводами, и хотя вид рестораника особого доверия не внушал (скорее, это был не ресторан, а дешевая забегаловка без скатертей и с непонятным запахом внутри), они решили в нем перекусить. Вернее, решил Аполлинарий – и все это даже несмотря на робкие протесты Полины. После экскурсии он чувствовал себя почти китайцем, расхрабрился и стал настаивать именно на этом месте.

– Но, дорогая, где еще можно ощутить вкус экзотики, как не в Китае? Есть все время борщи и котлеты – это дурной тон, знаешь ли. И тебе еще нужно потренироваться в узнавании китайских блюд перед вечерним мероприятием. Или ты уже не хочешь идти со мной?

– Ах, милый, конечно, конечно, я хочу! И с радостью выслушаю все твои кулинарные советы, – Полина постаралась, чтобы в ее голосе было не слишком много сарказма. Все-таки, она не зря иногда тренировала актерское мастерство перед зеркалом – оно помогало ей скрывать, что она на самом деле думает. Вот и сейчас она желала Аполлинарию, как минимум, медленной, но неотвратимой кастрации. А что – вполне заслужил!

Они заняли столик в углу темноватого помещения, своим видом напоминавшим колхозный сарай где-нибудь в китайской глубинке. Через четверть часа к ним подошел официант с меню. Было видно, что лично он никуда не торопит-

ся, в отличие от Аполлинария, который уже начал проявлять признаки бурного нетерпения, что выражалось в характерном пофыркивании и мотании головой из стороны в сторону. Меню было на китайском, и Аполлинарий, для остротки попялившись в него пару минут, ткнул наугад в три приглянувшихся ему на вид картинки. Определить, что именно это за блюда, он, конечно, не смог. Полина с некоторой тревогой ждала возвращения официанта, и хотя Аполлинарий уверял, что выбранная им еда вкусна и несет в себе все достоинства китайской кухни, была готова отказаться от пищи и остаться голодной. Зато живой!

Но ее опасения были напрасными: среди принесенной для них снеди по факту значились сладкие куриные грудки во фритюре, свинина с арахисом и пекинская капуста с мятой и зеленым горошком. От капусты и сладких грудок Полина наотрез отказалась, а вот свинину умяла всю – быстро и без остатка.

Аполлинарий тоже ел с большим аппетитом, при этом умудряясь самому себе петь дифирамбы о том, что, дескать, в Китае с ним не пропадешь. Чем сильно раздражал Полину, которая теперь очень хотела пить – и лучше кофе. Но кроме чая здесь ничего не подавали – но чай, действительно, оказался на уровне. Так что, пришлось им и ограничиться.

Принимая во внимание, что их еще ждет званый обед, можно утверждать, что перекус вполне удался. Не стоило ведь набивать живот за свои кровные – если учесть, что ско-

ро их будут кормить бесплатно.

Расплатившись по счету, они вышли из ресторана, где их все еще ждала машина. Таксист с широкой улыбкой на лице поинтересовался, понравилась ли им еда, на что Аполлинарий утвердительно и очень авторитетно кивнул. Дескать, а что, у кого-то есть сомнения?

До гостиницы было недалеко. Аполлинарий по дороге вдруг занервничал – оказывается, он только сейчас обратил внимание, что время-то уже поджигает. Он начал судорожно елозить в кресле такси и клясть на чем свет стоит автомобильные пробки, почти такие же безнадёжные, как в Москве. Иногда он даже подпрыгивал и обращался за моральной поддержкой к Полине, дескать, ну помоги же мне! На что она равнодушно смотрела в окно и делала вид, что очень занята мыслями о высоком. Наконец, он смирился со своей участью и, приняв вид оскорбленного в лучших чувствах человека, замолк.

Впрочем, минут через пятнадцать они уже бегали по номеру, занимаясь каждый своим: Полина перебирала наряды, а Аполлинарий в который уже раз пытался завязать узел на галстук по последней парижской моде. Но, конечно, у него получалось плохо. Однако он не отчаивался и предпринимал одну попытку за другой. Наконец, он плюнул на это безнадёжное занятие и решил пойти без галстука. Оставалось только дожидаться, пока Полина выберет окончательный наряд и оденется, и можно трогаться в путь!

И на этом мы пока оставим влюбленную парочку и перенесемся обратно в Москву, где разворачиваются события не менее интересные.

Глава третья. Мысли и не только

День рождения, наконец-то, закончился. Проводив гостей (последними ушли Романна Витольдовна и Нил Вахтангович), Вера осталась одна. Итогом дня стал ворох бесполезных подарков, огромная куча грязной посуды, напрочь расстроенные чувства и полное смятение в душе.

Вера готова была тут же расплакаться, но приказала себе не раскисать, а заняться делом – ей еще предстояло навести порядок не только в квартире, но и в собственной голове. Она начала с подарков – быстро кинула их в шкаф, постаравшись больше на них не смотреть. Может быть, если когда-нибудь руки дойдут, она еще вернется к ним, но только не сейчас. Потом наступил черед грязной посуды – это занятие оказалось не таким легким, как бы ей хотелось. Ей потребовался почти час, чтобы привести кухню в относительный порядок. Удовлетворенно оглядев сверкающие тарелки, блюда и столовые приборы со стаканами и рюмками, она с новой силой окунулась в свои мысли, стараясь рассуждать взвешенно и логично.

В итоге ситуация была такова – муженек укатил на Тайвань с какой-то теткой, которая имеет на него серьезные виды. И, судя по всему, последний загул – не единственный и не первый и, конечно же, не последний. Ее, Веру, ни муженек, ни его новая пассия серьезно в расчет не берут. Ве-

ра опять вспомнила, что он сегодня не поздравил ее с днем рождения, и ей страстно захотелось выбить ему все зубы. И не только их. Она сделала десять глубоких вздохов, как советовала одна серьезно продвинутая и модная женщина-психолог, и, мысленно насладившись видом выбитых зубов, перешла к анализу ситуации.

Да, конечно, все выглядело именно так – но ведь у любой медали всегда есть две стороны. Если абстрагироваться от тяжелых рожек, нависающих со лба (ну, а у кого их нет в наше-то время?), то все выглядело не так уж и плохо. Она еще молода, привлекательна, в принципе, материально независима и вовсе не обязана во что бы то ни стало сохранять семью со своим вечно отсутствующим где-то мужем. Опять же, половина их общей трехкомнатной квартиры её – благо, в свое время родители помогли купить – а раз так (Вера даже повеселела от этой мысли), то драгоценному Аполлинару никуда не деться – захочет свободы, пусть сначала заплатит! А вот своими похождениями он уж точно обеспечил свободу именно ей!

Самое интересное состояло в том, что еще несколько часов назад Вере все произошедшее казалось настоящим кошмаром, а сейчас она сидит и спокойно анализирует, что и каким образом можно с него получить, как говорится – с паршивой овцы, ну, и т. д. Но решение принято – нужно как следует его выдоить (что, я хуже каких-то там непонятных левых теток?) Вот только как? Но об этом можно подумать

и завтра, и даже послезавтра, и вообще, думать до тех пор, пока не почувствуешь удовлетворения! А можно и не доить, но сделать так, чтобы он сильно пожалел! Ух, как пожалел! Пока же нужно просто лечь спать, сон освежит голову и, в любом случае, утро вечера мудренее.

Только теперь Вера поняла, как же сильно она сегодня устала, ей показалось, что ничего не может быть прекраснее сна, и она не стала противиться этому чувству. По-быстрому приняв ванну, она прыгнула под одеяло и, зарывшись в него с головой, моментально уснула. Завтра будет новый день, а с ним – и новая песня!

... – А поутру она проснулась! – продекламировала Вера, поднимаясь с кровати. За окном виднелось безупречно голубое небо, тучи вместе с дождем унесло, и прохожие на улице бодро спешили куда-то по своим делам. Еще рано – даже будильник и тот – пока не прозвонил. Настроение у Веры было гораздо лучше, чем вчера. Все-таки, сон – самое настоящее лекарство, а здоровый сон – вообще, панацея от всех напастей. Ну, или, по крайней мере, может им быть. Кроме того, солнышко светило, что само по себе добавляло Вере настроения. Посмотрев на себя в зеркало – такую крепкую, поджарую, звонкую, почти что комсомолку-красавицу – она окончательно уверилась в своей привлекательности и обаянии – а что для девушки может быть лучше?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.